

Л. Д. Зазулина
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

УСТАНОВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛАХ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ*

Международное сотрудничество и появление межгосударственных объединений благоприятствуют участию населения в освоении внешних рынков, в то время как вооруженные конфликты и постоянно растущий разрыв между развитыми и развивающимися странами вынуждают людей искать за рубежом убежища и «лучшей жизни». И то, и другое, однако, приводит к росту числа трансграничных наследственных дел, ахиллесовой пятой которых остается не только применение, но и само установление содержания иностранного права.

Учитывая это, на основе анализа положений о международной юрисдикции и коллизионных правил автор выявляет основные случаи, требующие от российских судов и нотариусов применения иностранного наследственного права, а также определяет специфические осложнения, характерные для установления его содержания. Исходя из достоинств и недостатков существующих способов получения информации об иностранном праве раскрывается проблема лексфоризма как реакции правоприменительной практики на ограниченный доступ к соответствующим сведениям, приводятся примеры техник уклонения от применения иностранного наследственного права. Предлагается комплекс мер по снижению потребности в установлении содержания иностранного наследственного права и улучшению доступа к нему.

Ключевые слова: трансграничное наследование, международная юрисдикция, коллизионные нормы, доступ к иностранному праву, международная правовая помощь, *lex fori*

Для цитирования

Зазулина Л. Д. Установление содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах: международная правовая помощь и альтернативные пути преодоления трудностей // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 40–55. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_40.

УДК 341.983.42

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_40

Случаи, когда от российских нотариусов и судов ожидается применение, а следовательно, и установление содержания иностранного наследственного права, возникают при сопоставлении положений о международной юрисдикции и соответствующих коллизионных правил.

В международных договорах Российской Федерации они синхронизированы. Например, в Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. для определения как международной юрисдикции, так и применимого права используется один и тот же фактор: при наследовании движимого имущества – последнее постоянное место жительства наследодателя (п. 1 ст. 45, п. 1 ст. 48), а при наследовании недвижимости – место ее нахождения (п. 2 ст. 45,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-311-90042 «Международный наследственный процесс».

п. 2 ст. 48). Таким образом, если правоприменитель оказывается компетентен, он руководствуется национальным материальным правом, и сложностей, связанных с установлением содержания иностранного права, не возникает.

Пример 1. После смерти гражданина Грузии, постоянно проживавшего в России, остались две квартиры – в Москве и Тбилиси, а также движимое имущество в обеих странах. По Минской конвенции 1993 г. к компетенции российского суда относятся споры, касающиеся наследования московской квартиры (п. 2 ст. 48) и всего движимого имущества (п. 1 ст. 48), и в них применяется российское право (ст. 45). Спор о тбилисской квартире, в свою очередь, подлежит разрешению грузинскими властями (п. 2 ст. 48) с применением права Грузии (п. 2 ст. 45).

Иначе обстоят дела, если в отсутствие применимого договора международная юрисдикция и применимый *lex successionis* определяются по российскому законодательству. Последнее наделяет суды исключительной компетенцией в отношении российской недвижимости (п. 1 ч. 1 ст. 403 Гражданского процессуального кодекса РФ) и уполномочивает их разрешать споры о наследовании, если в Российской Федерации находится место жительства ответчика или его имущество (ч. 2 ст. 402 ГПК РФ и отсылающая к общим правилам подсудности ч. 1 ст. 402 ГПК РФ, а также п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ).

Международная юрисдикция нотариата устанавливается, в свою очередь, с учетом ст. 1115 Гражданского кодекса ГК РФ о месте открытия наследства. Подходы к трактовке этой статьи отличаются. Согласно первому она содержит материальные нормы и может обосновывать компетенцию нотариуса только при применимости российского права (п. 1 ст. 1224 ГК РФ). В рамках второго подхода положения ст. 1115 ГК РФ рассматриваются, скорее, как процессуальные, и нотариус наделяется компетенцией по вопросам наследования как движимого имущества, так и недвижимости, если хотя бы часть наследства находится на территории Российской Федерации (абз. 2 ст. 1115 ГК РФ) [Настольная книга нотариуса 2015].

Таким образом, п. 1 ст. 1224 ГК РФ предусматривает отдельную коллизионную систему, наследование движимого имущества

регулируется правом страны последнего места жительства наследодателя, в то время как наследование недвижимости – правом страны ее места нахождения. В связи с этим от российских судов и нотариусов (исходя из второго подхода к толкованию ст. 1115 ГК РФ) применение иностранного права может потребоваться при разрешении вопросов о наследовании зарубежной недвижимости, а если последнее место жительства наследодателя находилось за границей – то и всего движимого имущества, включенного в наследственную массу.

Пример 2. После смерти гражданина России, постоянно проживавшего в Германии, осталось наследство, включающее движимое имущество в России и Германии и недвижимость во Франции и Швейцарии. У него было двое сыновей от разных браков – гражданин России К. и гражданин Германии Н. Поскольку у Н. в России имеется имущество, К. обратился с иском о признании его недостойным наследником в российский суд (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ). Основания для такого признания подлежат определению в отношении российского и немецкого движимого имущества – по праву Германии, а французской и швейцарской недвижимости – по праву Франции и Швейцарии соответственно (п. 1 ст. 1224 ГК РФ).

Наконец, применение зарубежных норм может потребоваться при оценке способности лица к составлению завещания и его отмене, а также формы соответствующих распоряжений, если они были совершены за границей (п. 2 ст. 1224 ГК РФ).

В совокупности это свидетельствует о достаточно высокой потребности в установлении содержания норм иностранного наследственного права, что соответствует положению в мире в целом [Meeting Report 2012: 7].

Несмотря на отсутствие в ГПК РФ и Основных законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 специальных положений, на спорное и бесспорное наследственное производство распространяются требования ст. 1191 ГК РФ. Из нее следует, что содержание иностранных норм устанавливается правоприменителями *ex officio*: поскольку наследственные вопросы не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 1191 ГК РФ), возложение на лиц, участвующих

в деле, обязанности по предоставлению соответствующих сведений, не допускается. При этом судам и нотариусам следует исходить из официального толкования, практики применения и правовой доктрины в иностранном государстве (п. 1 ст. 1191 ГК РФ), т. е. стремиться применить зарубежный закон так же, как это сделали бы национальные юрисдикционные органы. По отношению к нормам наследственного права выполнение данной задачи дополнительно осложняется следующим:

1) в отличие от многих отраслей права, в наследственном «бьется пульс народа» [Kramer 2008: 788]: оно в значительной степени предопределяется социокультурными, социально-экономическими и даже религиозными факторами и рассматривается как типично местное (национальное или региональное) [Егг 2007: 74]. В связи с этим даже при сходстве некоторых институтов в отдельных странах существенными остаются различия в его частностях, выявить и понять которые правоприменителю, воспитанному в иной правовой культуре, трудно;

2) из-за закрепленной в п. 1 ст. 1224 ГК РФ полистатутности [Абраменков 2007: 15] наследство может фрагментироваться, т. е. образовывать несколько наследственных режимов отдельно для движимого и недвижимого имущества [Наследственное право 2018: 569–570]. Кроме того, в отношении недвижимости наследственный статут может расщепляться: если в наследство входит несколько объектов в разных странах, к каждому из них применяется закон соответствующей страны [Абраменков 2007: 15–16]. Как следствие, повышена вероятность того, что правоприменителю потребуется установить содержание норм одновременно двух и более зарубежных правовых порядков, что требует дополнительных ресурсов;

3) наследование находится на стыке семейного, вещного, обязательственного и процессуального права [Boulanger 1981: 370] и обнаруживает с ними тесные связи. Например, при определении положения пережившего супруга можно наблюдать сбалансированность между нормами о наследовании и режиме имущества супругов: если на основании последних объем прав супруга незначителен, это часто «компенсируется» при наследовании и наоборот [Lequette 1986:

176–177]. Соответственно для постижения смысла зарубежного наследственного права нередко требуется анализировать его во взаимосвязи со смежными отраслями, что не только увеличивает объем норм для изучения, но и предполагает глубокое погружение правоприменителя в вопрос.

Способы установления содержания норм иностранного права

Учет наследственно-правовой специфики желателен при выборе одного или нескольких способов установления содержания иностранного права.

Самостоятельная исследовательская деятельность правоприменителя

С одной стороны, распространено мнение о невозможности установить содержание иностранного права путем самостоятельного ознакомления с текстами зарубежных актов [Ерпылева, Гетьман-Павлова 2008]. С другой стороны, указывается, что это осуществимо, если решаются наиболее простые вопросы наследования [Stürner, Krauß 2018: 39]. Например, немецкие суды используют обширную и достаточно современную документацию об иностранном наследственном праве и прибегают к помощи экспертов, как правило, только в сложных делах [Хоцанов 2009: 83].

Вне зависимости от сложности вопроса самостоятельное изучение правоприменителем иностранных норм представляется, тем не менее, желательным для более качественного руководства наследственным производством (при принятии решений об обращении к другим способам установления содержания иностранного права, формулировании запросов, а также при независимой оценке доказательств, представляемых в подтверждение содержания норм иностранного права).

Среди источников для самостоятельного получения информации о зарубежных нормах преобладают онлайн-ресурсы [Accessing the Content of Foreign Law 2009: 6], что ставит вопрос о достоверности, актуальности и полноте сведений. При этом если тексты нормативных правовых актов, соответствующих указанным требованиям, найти еще можно, так как многие страны размещают их на официальных сайтах¹, то судебная прак-

¹ Центр правовой информации. Adalat ministriligi // URL: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi> (дата обращения: 11.07.2022) (Туркменистан); LEX.UZ – За-

тика и доктрина доступны в основном только в коммерческих базах данных¹. Кроме того, информация о наследственном праве разных стран часто не консолидирована – ее поиск на различных ресурсах трудоемок и занимает много времени, не говоря уже о том, что сведения доступны, как правило, лишь на иностранном языке.

Механизмы правовой помощи, основанные на международных договорах

Обмен информацией об иностранном праве предусматривается международными договорами Российской Федерации. К их числу относятся как двусторонние соглашения, так и многосторонние договоры – Минская конвенция 1993 г., а также Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства 1968 г. (далее – Лондонская конвенция 1968 г.). Преимущества их механизмов состоят в высоком уровне достоверности и актуальности информации об иностранном праве, безвозмездности предоставления сведений, а также в возможности использования правоприменителем родного языка: на русском языке может быть составлен запрос (с последующим переводом), и на него же переводится ответ на запрос.

Вместе с тем механизм Лондонской конвенции 1968 г. открыт только для судов (ч. 1 ст. 3), и нотариусы не могут им воспользоваться. Кроме того, обращение за правовой помощью осуществляется, по общему правилу, через посредника – Минюст России. Обеспечение судов и нотариусов информацией об иностранном праве прямо не отнесено к числу его основных функций [Ерпылева, Гетьман-Павлова 2008], и их запросы часто остаются без ответа, либо Минюст России сообщает, что не располагает необходимыми сведениями [Алёшина, Косовская 2013; Валетова 2013: 193]. Не регламентируется в международных договорах и срок обработки запросов, даже в Лондонской конвенции 1968 г. он сформулирован расплывчато – «как можно быстрее» (ст. 12). Это при-

водит к задержкам [Stürner, Krauß 2018: 44] и негативно сказывается на ведении трансграничных наследственных дел, в которых временной фактор особенно значим [Медведев, Ярков 2014].

Далее, как двусторонние международные договоры, так и Минская конвенция 1993 г. предполагают предоставление информации только о законодательстве и практике его применения. В отличие от них ст. 7 Лондонской конвенции 1968 г. предусматривает передачу выдержек из доктрин и резюме слушаний, а также сопровождение ответа пояснительными комментариями, но на практике это, как правило, не реализуется [Настольная книга нотариуса 2015].

Обращение к механизмам правовой помощи эффективно в основном в простых делах о наследовании, когда разрешение вопроса не требует обширного и комплексного анализа иностранного права

Еще одна особенность Лондонской конвенции 1968 г. состоит в возможности приложить к запросу копии документов (ч. 2 ст. 4), что призвано обеспечить адаптированность предоставляемых в ответ сведений к конкретному делу. В большинстве случаев, однако, информация предоставляется в максимально сжатом виде и содержит мало ссылок на дело [Stürner, Krauß 2018: 44]. Это не позволяет согласиться с утверждением о том, что тщательное исследование юридически важных обстоятельств в рамках данного конвенционного механизма позволяет дать точный и квалифицированный ответ на запрос о содержании зарубежных норм [Галимуллина 2006: 203].

Наконец, при отсутствии познаний в иностранном праве судам и нотариусам не всегда удается точно сформулировать запрос, а двойной перевод документов (сначала запроса, а затем ответа) повышает вероятность искажения их смысла. Это усугубляется отсутствием в международных договорах положений, позволяющих получать уточнения и объяснения по ответам, чтобы убедиться в действительной связи предоставленных сведений с делом.

Таким образом, обращение к механизмам правовой помощи, с одной стороны, требует

конодательство Узбекистана // URL: <https://www.lex.uz/> (дата обращения: 11.07.2022) (Узбекистан); Légifrance – Le service public de la diffusion du droit // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 11.07.2022) (Франция); Canadian Legal Information Institute. CanLII // URL: <https://www.canlii.org/en/index.php> (дата обращения: 11.07.2022) (Канада); Legislation.gov.uk // URL: <https://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 11.07.2022) (Великобритания) и др.

¹ LexisNexis, Dalloz, Beck-Online и др.

значительных затрат времени и сил, а с другой – далеко не всегда обеспечивает полноту информации и ее релевантность. Оно эффективно в основном в простых делах о наследовании, когда разрешение вопроса не требует обширного и комплексного анализа иностранного права.

Обращение с запросами в рамках неофициальных процедур

Для установления содержания иностранного права суды и нотариусы могут обращаться не только в Минюст России, но и в иные компетентные органы или организации – например, МИД России, посольства и консульства, в суды и к нотариусам за границей (п. 2 ст. 1191 ГК РФ). Такие обращения характеризуются большей простотой и непосредственностью контактов, но из-за отсутствия подробной регламентации невелика и степень надежности неофициальных процедур [Ерпылева, Гетьман-Павлова 2008]. Предоставление ответа на запрос и его содержание зависят от усмотрения запрашиваемого органа, поэтому запросы часто игнорируются, а из МИД России, например, поступает лишь краткий ответ с перечнем нормативных правовых актов иностранного государства [Валетова 2013: 194]. Наконец, прямое взаимодействие с зарубежными коллегами может вызвать трудности межязыковой и межкультурной коммуникации.

Допустимы и обращения в научно-исследовательские и образовательные организации, хотя в литературе отмечается их низкая эффективность, связанная прежде всего с отсутствием необходимого для соответствующих исследований ресурсного обеспечения [Хоцанов 2009: 99].

С учетом этого направление запросов в рамках неофициальных процедур тоже целесообразно в основном лишь для прояснения отдельных норм иностранного наследственного права.

Экспертиза и предоставление информации лицами, участвующими в деле

При недостаточной эффективности иных способов прояснения норм иностранного правопорядка правоприменители все активнее обращаются за содействием к лицам, участвующим в деле (абз. 2 п. 2 ст. 1191 ГК РФ) [Богуславский 2021]. Последние представляют, как правило, заключения ученых

и практиков, имеющих глубокие познания в соответствующем праве (*legal opinion* или *certificat de coutume*). При соблюдении ст. 79 ГПК РФ таким ученым и практикам, а также научно-исследовательским и образовательным организациям может быть поручено и проведение судебной экспертизы по вопросам зарубежного права (абз. 1 п. 2 ст. 1191 ГК РФ, п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»).

Однако получение правового заключения и проведение экспертизы сопряжено со значительными расходами, и для лиц, участвующих в деле, они могут быть просто нерентабельными [Настольная книга нотариуса 2015]. Кроме того, есть риск, что установление содержания иностранного права примет состязательный характер [Ерпылева, Гетьман-Павлова 2008]: в основном специалисты и эксперты высказываются в пользу тех лиц, по инициативе которых они привлечены, поэтому шансы на положительный исход дела нередко оказываются выше у тех, кто располагает ресурсами для приглашения более «титulóванной» кандидатуры.

Наконец, деятельность в сфере изучения права зарубежных стран и сравнительного правоведения практически не институционализирована, что затрудняет как поиски экспертов, так и оценку их профессиональной квалификации [Там же].

Вместе с тем если обеспечиваются независимость и компетентность специалистов и экспертов, то помимо относительно коротких сроков предоставления информации об иностранном праве, ее качество гораздо выше, чем при использовании других способов. Как правило, заключения специалистов и экспертов содержат не разрозненную информацию, а взаимосвязанные выводы о содержании зарубежных норм [Малкин 2015: 27], и предоставляемые ими сведения отличаются глубоким и комплексным характером, а также адаптированностью к конкретному делу. Наряду с возможностью задать специалисту и эксперту уточняющие вопросы (ч. 1 ст. 85, ч. 2 ст. 188 ГПК РФ), это делает заключения почти незаменимыми в сложных наследственных делах.

Лексфоризм в трансграничных наследственных делах

Определенные недостатки, присущие каждому из способов установления содержания иностранного права, нередко оставляют место для сомнений в правильности его применения.

Довольно естественной реакцией на это некоторых правоприменителей становится лексфоризм, т. е. стремление уйти от затрудненного применения иностранного права в пользу хорошо знакомого российского [Медведев, Ярков 2014]. Правоприменитель, по сути, сталкивается с дилеммой: «Если я не могу быть уверен в должном установлении содержания иностранного права, какое из зол окажется меньшим – применение иностранного права в искаженном виде или же российского права вопреки коллизионной норме?». С одной стороны, применение «суррогата» иностранного права незаконно и может привести к неадекватным результатам правопреемства. С другой стороны, применение вместо предписанного иностранного права национальных норм подрывает как правовую определенность, необходимую гражданам для планирования наследственной передачи в соответствии с собственной волей, так и смысл коллизионного регулирования наследования в целом (ст. 1224 ГК РФ).

Таким образом, оба варианта сопряжены с серьезными негативными последствиями, однако применение российского права гораздо привычнее и проще для реализации, поэтому даже с точки зрения психологии [Карпетов, Косарев 2019: 49] правоприменитель предрасположен следовать ему, обращаясь к различным техникам уклонения от применения иностранного права.

Примером подобной техники может служить ссылка на п. 3 ст. 1191 ГК РФ, освобождающий от применения иностранного права, если его содержание не установлено в разумные сроки, несмотря на предпринятые меры.

Так, в одном из дел суду необходимо было выяснить, удовлетворяет ли форма завещания требованиям итальянского права. В ответ на запрос суда Минюст России сообщил о возможности его исполнения при условии соблюдения требований, предъявляемых к форме и содержанию таких запросов. Суд,

проигнорировав это сообщение, применил отечественное законодательство, исходя из отсутствия в материалах дела сведений о содержании итальянского права, чем допустил нарушение норм материального права. Последнее констатировал суд апелляционной инстанции, который все же воспользовался механизмом Лондонской конвенции 1968 г. и получил необходимые сведения (апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 7 августа 2018 г. по делу № 33-69/2018).

Другой пример – отказ в удовлетворении иска по формальным основаниям, позволяющий не вдаваться в вопросы, разрешение которых зависит от содержания зарубежных норм. В частности, при рассмотрении дела суд не применил п. 2 ст. 1224 ГК РФ, предписывающий оценивать форму завещания исходя из права страны, где завещатель имел место жительства в момент его составления. Суд отказал истцу в признании наследником на основании завещания, составленного в Канаде и легализованного в консульском учреждении, сославшись на то, что легализация подтверждает только достоверность подписей и печатей в документе, но не удостоверяет тот факт, что названный документ может применяться на территории другого государства и соответствует законам этого государства (в данном случае – Российской Федерации). Вышестоящим судом указанное решение было отменено (Обобщение судебной практики судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда за второй квартал 2019 г.: утв. Президиумом Волгоградского областного суда 23 октября 2019 г.).

Было бы, тем не менее, заблуждением считать, что лексфористский подход характерен лишь для российской правовой системы. Например, Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 4 июля 2012 г. № 650/2012, который стал результатом усилий государств-членов ЕС по созданию единого правового пространства по делам о наследовании, содержит много «черных ходов», позволяющих уклоняться от применения иностранного права в пользу национального, «как если бы ни государства-члены, ни юристы не были готовы применять иностранное право. Это может быть связано со страхом или незнанием» [Devaux 2013:

243]. Как следствие, в поисках решений, позволяющих преодолевать трудности в установлении содержания иностранного права и избегать лексфоризма в трансграничных наследственных делах, также целесообразно учитывать опыт других стран и международных организаций.

Пути преодоления трудностей при установлении содержания иностранного права

Перспективным видится двунаправленное движение – с одной стороны, снижение потребности в установлении содержания иностранного наследственного права за счет изменений в коллизионном регулировании и правилах международной юрисдикции, с другой стороны – облегчение остающегося на судах и нотариусах бремени за счет улучшения доступа к содержанию зарубежных норм.

Снижение потребности в установлении содержания иностранного права

Помимо того, что коллизионная система, основанная на разделении движимого и недвижимого имущества (п. 1 ст. 1224 ГК РФ), может приводить к фрагментации наследства и расщеплению наследственного статута, даже сама по себе квалификация объектов наследственной массы в качестве движимых или недвижимых уже нередко требует обращения к иностранному праву – праву страны, где соответствующая вещь находится (ст. 1205, п. 1 ст. 1205.1 ГК РФ, п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»). С учетом этого переход к универсальной коллизионной системе и применение одного и того же права как к движимой, так и к недвижимой частям наследства позволили бы уменьшить число правовых систем, изучение норм которых может потребоваться в наследственном деле.

При универсальной коллизионной системе в приведенном в начале статьи примере 2 с участием К. и Н. число правопорядков, содержание норм которых необходимо установить российскому суду, сократилось бы с трех (право Германии, Франции и Швейцарии) до одного (по последнему месту жительства наследодателя – право Германии).

Еще больших результатов можно добиться при дополнении этой меры синхронизацией *forum* и *ius* – правил о международной юрисдикции и применимом на основании коллизионных норм материальном праве, чтобы в подавляющем большинстве случаев от российских судов и нотариусов требовалось применение только собственного национального права.

Принцип синхронизации (*Gleichlaufprinzip*) характерен для наследственной сферы, поскольку в ней материальные и процессуальные нормы особенно тесно переплетены [Geimer, Geimer, Geimer 2020: 27]. Реализовать его можно путем наделения властей международной юрисдикцией только в случаях применения к наследованию их национального права. До 2009 г. такой подход имел место, например, в Германии [Lübcke 2013: 80–83], и он же лежит в основе материально-правового прочтения ст. 1115 ГК РФ. Помимо этого, синхронизация достижима за счет использования одних и тех же связующих факторов при определении как международной юрисдикции, так и применимого права (п. 1 ст. 86 и п. 1 ст. 90 Закона о международном частном праве Швейцарии; ст. 4 и ч. 1 ст. 21 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза от 4 июля 2012 г. № 650/2012; международные договоры Российской Федерации).

Исходя из отдельной коллизионной системы (п. 1 ст. 1224 ГК РФ) реализации принципа синхронизации *forum* и *ius* в российском законодательстве способствовал бы отказ от общих связующих факторов (место жительства ответчика, место нахождения его имущества) в пользу более специальных (последнее место жительства наследодателя, местонахождение недвижимости) при определении международной подсудности, а также закрепление материально-правового подхода к толкованию ст. 1115 ГК РФ при определении международной юрисдикции российских нотариусов. Положительной оценки заслуживает то, что данный подход уже находит отражение в п. 2.3. Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав (утв. решением правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г.), протокол № 03/19. Тем не менее необходимо его закрепление на уровне закона или по крайней мере дополнение действующих рекомендаций разъяснениями ВС РФ.

При этом ст. 1115 ГК РФ может быть изложена в следующей редакции:

«1. Местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя (статья 20 настоящего кодекса).

2. В отношении имущества наследодателя, находящегося за пределами Российской Федерации, место открытия наследства определяется в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, при условии что согласно пункту 1 статьи 1224 настоящего Кодекса к отношениям по наследованию данного имущества подлежит применению российское право.

3. Если последнее место жительства наследодателя неизвестно, местом открытия наследства в Российской Федерации признается место нахождения имущества наследодателя на территории Российской Федерации. Если такое наследственное имущество находится в разных местах, местом открытия наследства является место нахождения входящих в его состав недвижимого имущества или наиболее ценной части недвижимого имущества, а при отсутствии недвижимого имущества – место нахождения движимого имущества или его наиболее ценной части. Ценность имущества определяется исходя из его рыночной стоимости.

4. Если последнее место жительства наследодателя находилось за пределами Российской Федерации, в отношении имущества наследодателя, оставшегося после него на территории Российской Федерации, место открытия наследства определяется в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, при условии что согласно пункту 1 статьи 1224 настоящего Кодекса к отношениям по наследованию данного имущества подлежит применению российское право».

При переходе к универсальной коллизионной системе синхронизация предполагала бы использование одного и того же связующего фактора при определении как международной юрисдикции, так и применимого ко всему наследственному имуществу права.

Улучшение доступа к сведениям о содержании зарубежных правовых норм

Тем не менее полностью уйти от установления содержания иностранного права в наследственных делах вряд ли возможно. Независимо от правил международной юрисдикции оно может потребоваться в силу специальной коллизионной нормы п. 2

ст. 1224 ГК РФ, например при оценке способности лица к составлению завещания, а принцип синхронизации *forum* и *ius*, в свою очередь, не свободен от исключений [Хаас 2003: 81–83]. Таким образом, улучшение доступа российских судов и нотариусов к сведениям о содержании зарубежных норм по-прежнему необходимо и возможно, как представляется, лишь при системном подходе к его обеспечению.

1. *Системный подход: Гагская каскадная модель.* В рамках Гагской конференции по международному частному праву проблемы доступа к иностранному праву начали изучаться в 2006 г. При этом поддержку получила «каскадная система выбора» [Accessing the Content of Foreign Law 2009: 19], состоящая из трех элементов, каждый из которых соответствует определенному типу вопросов в зависимости от степени их сложности.

Первый элемент – упрощение доступа к информации об иностранном праве в сети Интернет – для самостоятельного прояснения правоприменителями наиболее простых и общих вопросов иностранного права. Второй элемент – трансграничное административное и (или) судебное сотрудничество – для контактов с зарубежными коллегами по более сложным случаям, в том числе когда необходимо толкование норм или их разъяснение с учетом обстоятельств конкретного дела. Третий элемент – глобальная сеть учреждений и экспертов – для ответов на самые специальные и сложные вопросы иностранного права путем его углубленного исследования. Поскольку в трансграничных наследственных делах достаточно часто необходимо именно исследование взаимосвязей между нормами смежных отраслей права, а также нескольких правовых систем, особенно значимым для сферы наследования выступает третий элемент рассматриваемой модели [Там же: 16].

К разочарованию многих исследователей, с 2015 г. Гагская конференция приостановила активную работу по проекту [Stürmer, Krauß 2018: 59–60; Verhellen 2016: 298]. Сама модель, однако, позволяет систематизировать широкий спектр способов установления содержания зарубежных норм, поэтому в дальнейшем возможные пути улучшения доступа российских правоприменителей к иностранному праву рассматриваются с опорой на нее.

2. *Обеспечение правоприменителей необходимыми справочными материалами.* Представляется важным не только издание официальных документов по международному и иностранному праву, сборников, содержащих сведения об иностранном праве, журнала сравнительного правоведения, а также опубликование решений по делам, в которых иностранное право было применено [Галимуллина 2006: 129], но и представление соответствующих сведений в удобной для использования правоприменителями форме.

В области наследования примером такой формы могут служить справочники, предлагающие содержательное, но при этом краткое и структурированное изложение наследственного права иностранных государств¹. В отличие от доктринальных трудов, они охватывают, как правило, более широкий круг правовых систем и сосредоточены скорее на описании действующего правового регулирования и существующей практики, нежели на научном анализе соответствующих проблем, что делает их более подходящими для целей судебной и нотариальной деятельности.

Другой пример – официальные электронные ресурсы, такие как веб-сайт Европейской судебной сети по гражданским и торговым делам (*EJN*)² или портал «Наследование в Европе»³, созданный при поддержке Европейской нотариальной сети и Совета нотариатов ЕС. Информация размещена на них в открытом доступе, по каждой стране сведения о наследовании представлены как ответы на универсальный вопросник, и ознакомиться с ними можно почти на любом европейском языке. На веб-сайте *EJN* указывается, в частности, что большинство судей в ЕС знают о нем и, похоже, считают полезным [Verhellen 2016: 292].

Как названные ресурсы, так и большинство справочников создаются на основе распределения частей между экспертами-представителями соответствующих правовых систем, что обеспечивает высокий уровень до-

стоверности и полноты информации. Кроме того, справочники, как правило, регулярно переиздаются и дополняются, а веб-сайты обновляются [Там же], т. е. предлагаемые ими сведения постоянно актуализируются и уточняются. Идеализировать эти источники, конечно, не стоит: например, отмечалось, что на сайте *EJN* сведения о законодательстве некоторых стран были неактуальными и недоступными в период обновления отдельных страниц [Там же].

Тем не менее при надлежащем сопровождении как подобный веб-сайт, так и сравнительно-правовые справочники на русском языке могли бы стать полезными инструментами для обеспечения отечественных правоприменителей базовой информацией о порядке наследования за рубежом, а работа по их созданию способствовала бы укреплению сотрудничества стран в деле упрощения доступа к информации об иностранном праве, в том числе, в сети Интернет.

3. *Поддержка альтернативных форматов трансграничного сотрудничества.* Поскольку трансграничное сотрудничество по обмену информацией представлено в основном конвенционными механизмами правовой помощи при посредничестве Минюста России, в отечественной науке предлагается нормативно «повысить» его роль и ответственность [Валетова 2013: 193–194; Галимуллина 2006: 204; Хоцанов 2009: 12]. Вместе с тем без учета реальных возможностей Минюста России это вряд ли приведет к ожидаемым результатам. Например, в компетентном отделе МИД Бельгии недостаточно сотрудников; они надеются, что Лондонская конвенция 1968 г. не получит более широкой известности, так как им не хватает ресурсов, чтобы адекватно реагировать на поступающие запросы в полном объеме [Verhellen 2016: 293].

В подобных условиях желательно дополнить механизмы правовой помощи, во-первых, более широкой практикой прямых контактов между российскими правоприменителями и их зарубежными коллегами, а во-вторых – сетевой формой трансграничного сотрудничества.

«Лучший орган для разрешения вопросов иностранного права – суд соответствующего государства» – такой вывод лег в основу процедуры установления содержания иностранного права, введенной в 2010 г. в штате

¹ Например, «Internationales Erbrecht» (M. Ferid, K. Firsching, H. Dörner, R. Hausmann), «Erbrecht in Europa» (R. Süß), «Régimes matrimoniaux, successions et libéralités dans les relations internationales et internes» (M. Verwilghen, S. Mahieu) и др.

² European e-Justice Portal // URL: <https://e-justice.europa.eu/> (дата обращения: 11.07.2022).

³ CNUE – Successions // URL: <http://successions-europe.eu/> (дата обращения: 11.07.2022).

Новый Южный Уэльс в Австралии. Данная процедура позволяет Верховному суду Нового Южного Уэльса распорядиться об открытии производства в иностранном суде, чтобы последний ответил на вопросы, касающиеся применения зарубежных норм. В настоящий момент подобное взаимодействие возможно на основании меморандумов о взаимопонимании, заключенных между Верховным судом Нового Южного Уэльса и Верховным судом Сингапура, а также между Главным судьей Нового Южного Уэльса и Главным судьей штата Нью-Йорк [Meeting Report НССН 2012: 9–10; Stürner, Krauß 2018: 192–193].

Введение подобной процедуры передачи дела между российскими и зарубежными судами и нотариусами видится пока маловероятным, однако ее пример показывает, каким потенциалом обладают прямые контакты между правоприменителями. Более эффективно использованию этого потенциала на данном этапе могли бы способствовать следующие меры:

1) выведение прямых контактов из «серой зоны» путем закрепления их допустимости в международных договорах. Например, Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1999 г. уже предусматривает, что по отдельным вопросам учреждения юстиции, в том числе суды и нотариат, в приграничных регионах могут сношаться друг с другом непосредственно, хотя и обуславливает это решением министерств юстиции (чч. 2, 4 ст. 3, ст. 2);

2) создание онлайн-сервисов для поиска за границей компетентного суда или владеющего русским языком нотариуса и их данных для связи (имен, телефонов, *e-mail* и т. д.) – по примеру Европейского судебного атласа по гражданским делам (*The European Judicial Atlas in Civil Matters*¹) или ресурса «Найди нотариуса» (*Find a Notary*)². Это способствовало бы преодолению трудностей межязыковой коммуникации и уменьшению числа запросов «не по адресу»;

¹ European e-Justice Portal – European Judicial Atlas in civil matters // URL: https://e-justice.europa.eu/321/EN/european_judicial_atlas_in_civil_matters (дата обращения: 11.07.2022).

² European e-Justice Portal – Notaries // URL: <https://e-justice.europa.eu/335/EN/notaries> (дата обращения: 11.07.2022).

3) вовлечение правоприменителей в международные обмены, позволяющие не только повышать общую информированность об иностранных правовых системах, но и налаживать персональные связи с зарубежными коллегами. Такие связи играют определяющую роль в условиях, когда предоставление ответа на запрос зависит от усмотрения запрашиваемого органа. Например, нотариусы из России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии уже регулярно участвуют во взаимных стажировках в рамках Соглашения о сотрудничестве нотариальных палат стран-участниц ЕАЭС от 23 октября 2014 г.³, и эта практика могла бы быть расширена.

Институционализации персональных связей и расширению числа каналов, позволяющих получать информацию о содержании иностранного права, могут способствовать судебные и нотариальные сети, существующие в самых разных регионах мира.

Так, через Арабскую судебную сеть (*Réseau juridique arabe*) осуществляется обмен сведениями о законодательстве стран-членов Лиги арабских государств [Meeting Report НССН 2012: 15]. Другие примеры региональных сетей – упоминавшаяся Европейская судебная сеть по гражданским и торговым делам, учрежденная решением Совета ЕС от 28 мая 2001 г. № 2001/470/ЕС (далее – Решение) и действующая с 1 декабря 2002 г., а также функционирующая по ее образцу с 1 ноября 2007 г. и тесно сотрудничающая с ней Европейская нотариальная сеть (*ENN*) [Popescu 2014: 55].

При возникновении вопросов о содержании зарубежных норм правоприменитель может по телефону, факсу или электронной почте адресовать их своему национальному контактному центру *EJN* (п. 2 ст. 8 Решения). Контактные центры специализируются на содействии трансграничному сотрудничеству, что позволяет им аккумулировать информацию и отвечать на наиболее простые вопросы незамедлительно (п. 1 ст. 8 Решения). Если же необходимые сведения в распоряжении центра отсутствуют, он обращается к другому члену сети, наилучшим образом подходящему для дачи соответствующих разъяснений (п. 3 ст. 5 Решения). Высокие требования к сотрудникам контактных цен-

³ БНП принимает нотариусов стран ЕАЭС. 2019 // URL: <https://belnotary.by/novosti/novosti-tnp/bnp-prinimaet-notariusov-stran-eaes/> (дата обращения: 11.07.2022).

тров в части владения иностранными языками (ст. 7 Решения), а также мероприятия по координации деятельности членов сети (регулярные встречи контактных центров, периодические сессии всех членов сети (п. 1 ст. 9, п. 2 ст. 11 Решения) повышают эффективность *EJN*, поэтому при невозможности ответить сразу срок обработки запроса составляет 15 дней и даже в сложных случаях не должен превышать 30 дней (п. 1 ст. 8 Решения).

В сфере наследования международной сетью, опыт участия в которой у Российской Федерации уже имеется, выступает Международная нотариальная сеть, охватывающая около 90 стран [Настольная книга нотариуса 2015]. Между тем в связи с приостановлением членства Российской Федерации в Международном союзе нотариата¹ информационные обмены в рамках нее могут оказаться затруднены, поэтому полученный опыт, а также модель *EJN* заслуживают учета, скорее, в деле создания региональных сетей с российским участием – прежде всего в рамках ЕАЭС.

3. *Формирование пула специалистов и экспертов по праву зарубежных стран.* В отечественной науке уже предлагалось создать в ВС РФ специальный отдел по изучению и анализу иностранного права [Галимуллина 2006: 205]. Вместе с тем соответствующие исследования, которые востребованы прежде всего в сложных случаях, в большинстве своем предполагают глубокий и комплексный характер, а следовательно, трудоемкость и дороговизну изысканий. Учитывая это, более целесообразными видим усилия по институционализации экспертной деятельности [Брановицкий, Ренц, Решетникова 2019: 54], в частности создание: 1) общедоступной базы данных специалистов и экспертов по иностранному праву и 2) независимого экспертно-исследовательского центра сравнительного правоведения.

Пример базы данных по смежной с наследственным правом отрасли – семейному праву, предлагает система *FTCAM*, используемая в Германии, в том числе, судьями. Изначально она предназначалась для созда-

ния проектов решений по трансграничным семейным делам, но со временем была дополнена базой данных для бесплатного поиска экспертов по иностранному семейному праву². Последние включаются в базу по собственному заявлению, при условии оплаты единовременного взноса в сумме 200 € и проверки квалификации со стороны *FTCAM*. При этом *FTCAM* выступает лишь поисковым сервисом: условия, на которых эксперт готов провести исследование, определяются им самостоятельно.

Создание подобной базы данных в Российской Федерации упростило бы поиск кандидатур и сделало бы рынок заключений и экспертизы по праву зарубежных стран более прозрачным, что могло бы повлиять на их доступность в пользу лиц, участвующих в деле.

Ведущим российским научно-исследовательским учреждением, которое специализируется на праве зарубежных стран, является Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП). Однако его основное предназначение состоит в обеспечении законопроектной деятельности Правительства России (раздел II Устава ИЗиСП), в то время как во многих странах существуют также экспертные центры, оказывающие поддержку именно правоприменителям.

Упомянется, например, Центр международной правовой информации и данных (*Centre d'information et de renseignements juridiques internationaux*) во Франции, содействующий судам в поиске иностранного права [Толстых 2006: 273]. Широко известны Швейцарский институт сравнительного правоведения (*L'Institut suisse de droit comparé*), а также Институт иностранного и международного частного права им. Макса Планка (*Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Privatrecht*) в Германии, спрос на заключения которого так высок, что он нередко перегружен запросами и работает на пределе возможностей [Stürmer, Krauß 2018: 194].

Исследования подтверждают необходимость и в иных подобных центрах. Например, по образцу вышеупомянутых институтов на уровне ЕС предлагается создать Европейский центр экспертизы, объединяющий представителей всех государств-членов [Там же: 195].

¹ Президент ФНП прокомментировал приостановку членства в Международном союзе нотариата. 2022 // URL: https://tass.ru/obschestvo/14439325?yclid=I5cleljg4f430716470&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.07.2022).

² Die Sachverständigen-Datenbank im Internet // URL: <http://sachverstaendige.ftcam.de/> (дата обращения: 11.07.2022).

Создание аналогичного независимого центра сравнительного правоведения в Российской Федерации, а в перспективе – и на уровне ЕАЭС, позволило бы избежать состязательности в установлении содержания зарубежных норм и могло бы стать важным шагом на пути к созданию глобальной сети экспертизы. При надлежащем ресурсном обеспечении [Валетова 2013: 195; Хоцанов 2009: 99] это отвечало бы потребностям практики, особенно в сложных случаях, к числу которых зачастую относятся и трансграничные наследственные дела.

Таким образом, спрос на доступ к иностранному наследственному праву повышен и существует, в том числе, у российских правоприменителей, и именно наследственно-правовой сфере присущи особенности, дополнительно усложняющие установление содержания зарубежных норм. Как следствие, способы получения информации об иностранном праве, доступные сегодня отечественным судам и нотариусам, далеко не всегда оказываются эффективными, и ключевое значение для трансграничных наследственных дел приобретают заключения специалистов, а также результаты судебной экспертизы.

На практике следствием ограниченности доступа к праву зарубежных стран нередко

становятся завуалированные попытки «подменить» применимое иностранное право российским, что недопустимо, поскольку подрывает как правовую определенность, имеющую особое значение для наследственного планирования, так и сам смысл коллизионного регулирования наследственных отношений в целом. В данном контексте преодолеть трудности, связанные с установлением содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах, можно за счет одновременного движения в двух направлениях.

Первое из них состоит в снижении потребности в установлении содержания иностранного наследственного права путем перехода от отдельной коллизионной системы к универсальной и реализации принципа синхронизации *forum* и *ius* не только в международных договорах Российской Федерации, но и в российском законодательстве. Второе заключается в улучшении доступа российских судов и нотариусов к сведениям о содержании зарубежного права за счет обеспечения их соответствующей справочной информацией, развития форматов трансграничного сотрудничества, дополняющих конвенционные механизмы правовой помощи, а также институционализации экспертной деятельности по вопросам иностранного права.

Список литературы

Accessing the Content of Foreign Law. Report of the Meeting of Experts on Global Cooperation on the Provision of Online Legal Information on National Laws (The Hague, 19–21 October 2008). 2009 // URL: <https://assets.hcch.net/docs/d9c58909-e39e-45b1-aa82-a9b13a00ad19.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

Boulanger F. Les successions internationales. Problèmes contemporains. P.: Économica, 1981. 430 p.

Devaux A. The European Regulations on Succession of July 2012: A Path Towards the End of the Succession Conflicts of Law in Europe, or Not? // *The International Lawyer*. 2013. Vol. 47. № 2. P. 229–248.

Erp J. H. M. van. New Developments in Succession Law // *General Reports of the XVIIth Congress of the International Academy of Comparative Law (Utrecht, 16–22 July 2006)* / ed. by K. Boele-Woelki, J. H. M. van Erp. Bruxelles; Utrecht: Bruylant; Eleven International Publishing, 2007. P. 73–94.

Geimer R., Geimer E., Geimer G. Internationales Zivilprozessrecht. 8 neu bearbeitete Aufl. Köln: Verlag Dr. Otto Schmidt KG, 2020. 1487 S.

Kramer E. A. Der Stil der schweizerischen Privatrechtskodifikation – ein Modell für Europa? // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*. 2008. Jahrgang 72. Heft 4. S. 773–793. DOI: 10.1628/003372508786013214.

Lequette Y. Ensembles législatifs et droit international privé des successions. Communication de M. Yves Lequette (Séance du 27 janvier 1984) // *Droit international privé: travaux du Comité*

français de droit international privé, 5e année, 1983–1984. P.: CNRS Éditions, 1986. P. 163–192. DOI: <https://doi.org/10.3406/tcfdi.1985.1462>.

Lübcke D. Das neue europäische Internationale Nachlassverfahrensrecht. 1 Auf. Baden-Baden: Nomos, 2013. 714 S.

Meeting Report. Access to Foreign Law in Civil and Commercial Matters. 2012 // URL: <https://assets.hcch.net/docs/33f3ac6c-5c6d-4440-9df4-bf195ecf383d.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

Popescu D. A. Guide de droit international privé des successions. Onești: Magic Print, 2014. 137 p.

Stürner M., Krauß F. Ausländisches Recht in deutschen Zivilverfahren. Eine rechtstatsächliche Untersuchung. Baden-Baden: Nomos, 2018. 221 S.

Verhellen J. Access to Foreign Law in Practice: Easier Said Than Done // Journal of Private International Law. 2016. Vol. 12. № 2. P. 281–300. DOI: 10.1080/17441048.2016.1205861.

Абраменков М. С. Проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных отношений в современном международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 210 с.

Алёшина А. В., Косовская В. А. Движимое и недвижимое имущество как объекты наследственных отношений международного характера // Образование и право. 2013. № 12. С. 143–153.

Богуславский М. М. Международное частное право: учеб. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2021. 672 с.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Решетникова И. В. Можно ли доверять эксперту? Или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. 2019. № 10. С. 43–54.

Валетова Ю. А. О некоторых способах установления содержания иностранного права судами Российской Федерации // Достижения вузовской науки. 2013. № 6. С. 192–196.

Галимуллина С. К. Применение иностранного права в международном частном праве: теория, законодательство и судебная практика Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 226 с.

Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Установление содержания норм иностранного законодательства в международном частном праве // Адвокат. 2008. № 7. С. 112–121.

Карпатов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5. С. 3–96.

Малкин О. Ю. Установление содержания иностранного права судом: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 21–31.

Медведев И. Г., Ярков В. В. О некоторых проблемах разрешения международных наследственных споров // Закон. 2014. № 8. С. 58–69.

Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.

Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И. Г. Медведева. М.: Статут, 2015. Т. 4. 287 с.

Толстых В. Л. Нормы иностранного права в международном частном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 509 с.

Хаас У. Единое европейское правовое пространство по делам о наследстве // Центр нотариальных исследований: материалы и статьи. Нотариат в международных отношениях. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. Вып. 4. С. 66–168.

Хоцанов Д. А. Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2009. 233 с.

Любовь Дмитриевна Зазулина – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: zazulinalyubow@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4459-6120

Establishing the Content of Foreign Law in Cross-Border Succession Cases: International Legal Assistance and Alternative Ways to Overcome Challenges

International cooperation of states and their integration associations favour foreign economic activities. At the same time, armed conflicts and the ever-increasing gap between developed and developing nations force people to seek refuge and a «better life» abroad. Both, however, lead to an increase in cross-border succession cases, the Achilles' heel of which still is not the only application of foreign law but even establishing its content as well.

*Given this, based on an analysis of provisions on international jurisdiction and conflict of laws rules, the paper identifies the main situations requiring Russian courts and notaries to apply foreign inheritance law and reveals specific complications of establishing its content. With the advantages and disadvantages of existing ways to obtain information on foreign law, the author considers the problem of substitution of applicable foreign law with *lex fori* as a reaction of legal practice to the limited access to relevant information. Some examples of techniques to avoid the application of foreign inheritance law are given and a set of measures to reduce the need to establish the content of foreign inheritance law and to improve access to it is proposed.*

Keywords: cross-border succession, international jurisdiction, conflict of laws rules, access to foreign law, international legal assistance, *lex fori*

Recommended citation

Zazulina L. D. Ustanovlenie sodержaniya inostrannogo prava v transgranichnykh nasledstvennykh delakh: mezhdunarodnaya pravovaya pomoshch' i al'ternativnye puti preodoleniya trudnosti [Establishing the Content of Foreign Law in Cross-Border Succession Cases: International Legal Assistance and Alternative Ways to Overcome Challenges], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 4, pp. 40–55, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_40.

References

Abramenkov M. S. *Problemy kollizionno-pravovogo regulirovaniya nasledstvennykh otnoshenii v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave* [Problems of Conflict of Laws Regulation of Succession Relations in Contemporary Private International Law]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2007, 210 p.

Accessing the Content of Foreign Law. Report of the Meeting of Experts on Global Cooperation on the Provision of Online Legal Information on National Laws (The Hague, 19–21 October 2008), 2009, available at: URL: <https://assets.hcch.net/docs/d9c58909-e39e-45b1-aa82-a9b13a00ad19.pdf> (accessed: 10.07.2022).

Aleshina A. V., Kosovskaya V. A. Dvizhimoe i nedvizhimoe imushchestvo kak ob'ekty nasledstvennykh otnoshenii mezhdunarodnogo kharaktera [Movable and Immovable Property as Objects of Hereditary Relations of an International Character], *Obrazovanie i pravo*, 2013, no. 12, pp. 143–153.

Boguslavskii M. M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2021, 672 p.

Boulanger F. *Les successions internationales. Problèmes contemporains*, Paris, Économica, 1981, 430 p.

Branovitskii K. L., Rents I. G., Reshetnikova I. V. *Mozhno li doveryat' ekspertu? Ili neskol'ko slov o garantiyakh kachestva sudebnoi ekspertizy (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Can You Trust an Expert? A Few Words on the Quality Assurance of Forensic Science (a Comparative Legal Analysis)], *Zakon*, 2019, no. 10, pp. 43–54.

Devaux A. The European Regulations on Succession of July 2012: A Path Towards the End of the Succession Conflicts of Law in Europe, or Not? *The International Lawyer*, 2013, vol. 47, no. 2, pp. 229–248.

Erp J. H. M. van. *New Developments in Succession Law*, Boele-Woelki K., Erp J. H. M. van (eds.) *General Reports of the XVIIth Congress of the International Academy of Comparative Law*

(Utrecht, 16–22 July 2006), Bruxelles, Utrecht, Bruylant, Eleven International Publishing, 2007, pp. 73–94.

Erpyleva N. Yu., Get'man-Pavlova I. V. Ustanovlenie sodержaniya norm inostrannogo zakonodatel'stva v mezhdunarodnom chastnom prave [Establishing the Content of Foreign Law in Private International Law], *Advokat*, 2008, no. 7, pp. 112–121.

Galimullina S. K. *Primenenie inostrannogo prava v mezhdunarodnom chastnom prave: teoriya, zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika Rossiiskoi Federatsii* [Application of Foreign Law in Private International Law: Theory, Law and Judicial Practice of the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis, Kazan', 2006, 226 p.

Geimer R., Geimer E., Geimer G. *Internationales Zivilprozessrecht*, 8 neu bearbeitete Aufl., Köln, Verlag Dr. Otto Schmidt KG, 2020, 1487 S.

Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standards of Proof: Analytical and Empirical Research], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. Prilozhenie k ezhemesyachnomu zhurnalu*, 2019, no. 5, pp. 3–96.

Khaas U. *Edinoe evropeiskoe pravovoe prostranstvo po delam o nasledstve* [Common European Legal Space in Succession Cases], *Tsentr notarial'nykh issledovaniy: materialy i stat'i. Notariat v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Centre for Notary Studies: Materials and Articles. Notaries in International Relations], Ekaterinburg, Izd-vo AMB, 2003, vol. 4, pp. 66–168.

Khotsanov D. A. *Ustanovlenie sodержaniya inostrannykh pravovoykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave* [Establishing the Content of Foreign Law in Private International Law]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2009, 233 p.

Kramer E. A. Der Stil der schweizerischen Privatrechtskodifikation – ein Modell für Europa? *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 2008, Jahrgang 72, Heft 4, S. 773–793, DOI: 10.1628/003372508786013214.

Lequette Y. *Ensembles législatifs et droit international privé des successions. Communication de M. Yves Lequette (Séance du 27 janvier 1984), Droit international privé: travaux du Comité français de droit international privé, 5e année, 1983–1984*, Paris, CNRS Éditions, 1986, pp. 163–192, DOI: <https://doi.org/10.3406/tcfdi.1985.1462>.

Lübcke D. *Das neue europäische Internationale Nachlassverfahrensrecht*, 1 Aufl., Baden-Baden, Nomos, 2013, 714 S.

Malkin O. Yu. Ustanovlenie sodержaniya inostrannogo prava sudom: problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya [Establishing Content of Foreign Law by Court: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement], *Rossiiskoe pravosudie*, 2015, no. 7, pp. 21–31.

Medvedev I. G. (ed.) *Nastol'naya kniga notariusa* [The Notary Handbook], Moscow, Statut, 2015, vol. 4, 287 p.

Medvedev I. G., Yarkov V. V. O nekotorykh problemakh razresheniya mezhdunarodnykh nasledstvennykh sporov [On Some Problems in Resolving International Succession Disputes], *Zakon*, 2014, no. 8, pp. 58–69.

Meeting Report. Access to Foreign Law in Civil and Commercial Matters, 2012, available at: URL: <https://assets.hcch.net/docs/33f3ac6c-5c6d-4440-9df4-bf195ecf383d.pdf> (accessed: 10.07.2022).

Petrov E. Yu. (ed.) *Nasledstvennoe pravo: postateinyi kommentarii k stat'yam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Succession Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation], Moscow, M-Logos, 2018, 656 p.

Popescu D. A. *Guide de droit international privé des successions*, Onești, Magic Print, 2014, 137 p.

Stürner M., Krauß F. *Ausländisches Recht in deutschen Zivilverfahren. Eine rechtstatsächliche Untersuchung*, Baden-Baden, Nomos, 2018, 221 S.

Tolstykh V. L. *Normy inostrannogo prava v mezhdunarodnom chastnom prave Rossiiskoi Federatsii* [Norms of Foreign Law in Private International Law of the Russian Federation]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2006, 509 p.

Valetova Yu. A. O nekotorykh sposobakh ustanovleniya sodержaniya inostrannogo prava sudami Rossiiskoi Federatsii [On Certain Ways in Which the Content of Foreign Law can be Established by the Courts of the Russian Federation], *Dostizheniya vuzovskoi nauki*, 2013, no. 6, pp. 192–196.

Verhellen J. Access to Foreign Law in Practice: Easier Said Than Done, *Journal of Private International Law*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 281–300, DOI: 10.1080/17441048.2016.1205861.

Liubov Zazulina – postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: zazulinalyubow@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4459-6120

Дата поступления в редакцию / Received: 15.07.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2022